

"Хватит с меня твоей бесполезности, мальчик!" сердито прорычал дядя Вернон.

Гарри спрятался в углу, пока его большой дядя набрасывался на него. День прошел так хорошо, что ему не дали никакой работы вне дома, так как дождь шел без остановки всю ночь, и даже его родственники не были настолько идиотами, чтобы рисковать тем, что их племянник заболит пневмонией. В основном их доводы сводились к тому, что мальчик не сможет работать, но Гарри был благодарен за то, что какая бы причина ни заставила их взяться за дело, так как весь день он был занят внутри дома. Он вытер пыль со всех поверхностей, почистил туалеты и вымыл пол на кухне. Однако именно последняя обязанность оказалась его падением, так как он поскользнулся на мокром полу, когда переносил жареного ягненка из духовки на стол, чтобы остудить перед разделкой. После того, как стихли звуки лязгающего металла, на несколько секунд воцарилась тишина, прежде чем дядя Вернон начал кричать.

"Такими темпами ты можешь испортить нам Рождество из-за своей неуклюжести и неряшливости", - продолжал Вернон, схватив Гарри за шиворот.

Единственное, что утешало Гарри в этот момент, это то, что дядя громко жаловался на то, как он устал. Очевидно, он был вымотан до предела, пытаясь успеть сделать как можно больше работы до рождественских каникул. Это означало, что он, скорее всего, слишком устал, чтобы побить Гарри сегодня. Однако это не означало, что о наказании не может быть и речи.

Вернон крепко обхватил шею Гарри, после чего подошел к задней двери и захлопнул ее. Гарри довольно грубо втолкнули в дверной проем первым, и он упал лицом на мокрую землю, так как его ноги зацепились за дверную щеку. Вернон не обратил внимания на упавшего мальчика и топал вперед, не обращая внимания на крик боли, когда его обутая нога оказалась на запястье племянника. Он отпер и открыл дверь сарая, затем вернулся, схватил мальчика из грязи и потащил его вперед. Не прошло и минуты, как дрожащего ребенка втащили в сарай среди различных садовых инструментов и машин.

"Ты останешься здесь, пока я не решу, что ты можешь вернуться в дом", - прошипел Вернон и захлопнул дверь.

Гарри успел только сесть и осторожно потрогать царапину на левой ладони, прежде чем дверь снова с силой распахнули. На секунду Гарри понадеялся, что дядя Вернон передумал, но эта надежда быстро развеялась. В дверях действительно стоял его дядя, но тот просто швырнул племяннику потрепанное одеяло и полбуханки хлеба, после чего дверь снова захлопнулась. Гарри услышал скрежет навесного замка на засове, после чего затихли шаги.

Сирота подавил всхлип, когда боль в запястье и руке стала усиливаться, а тело неуклонно остывало. Хотя сарай был водонепроницаемым, в нем не было ни утеплителя, ни дополнительных одеял, поэтому единственной защитой от зимних температур была плохо пригнанная дверь сарая и тонкое одеяло из шкафа. В заднем углу сарая была даже дыра, что означало, что стены сарая были еще более бессмысленными.

Гарри с досадой вытер с одежды и очков воду и грязь, используя садовые перчатки, и

свернулся калачиком на одеяле. Его дядя был самым сердитым из всех, кого Гарри видел за многие месяцы, поэтому он сильно сомневался, что ему разрешат вернуться в дом в ближайшие несколько дней. Возможно, он даже проведет здесь Рождество, понял он.

В этот момент Гарри почувствовал себя самым одиноким и ненужным, что когда-либо испытывал за всю свою короткую жизнь, и горячо пожелал заснуть этой ночью и не проснуться. Он уже давно отказался от сказочной идеи, что его унесут в счастливое место, но последней мыслью перед тем, как заснуть, было желание не проснуться здесь утром.

"Два дня, и все закончится", - пробормотал про себя Брюс, снова ложась на кровать. Обычно он старался подходить к матрасу только тогда, когда собирался спать, но он так устал, что пренебрег своими правилами и с благодарностью вытянулся.

Недавно один из близлежащих пожилых джентльменов был поражен необычной болезнью, и Брюс провел последнюю неделю, ухаживая за ним в дополнение к своим обычным пациентам. Через некоторое время Брюс понял, что мужчине было около 80 лет, и он просто заболел гриппом, который поразил его сильнее, чем большинство других. Брюс был не из тех, кто основывает свой уровень заботы на плате, которую он может выбить из пациента, или на его социальном положении, но он знал, что этот человек сыграл важную роль в поиске финансирования местной школы и поэтому заслуживал самого лучшего внимания, которое мог предложить американец.

Он навещал пациента каждое утро около 7 часов, а затем снова, когда заканчивал обход около 10 часов, и устал до костей, ему не хотелось тратить силы на приготовление пищи. Однако в его шкафу не было подходящих ингредиентов, чтобы приготовить холодную еду, и он был голоден - последний раз он ел почти девять часов назад. Поэтому единственным выходом было пойти до ближайшего ресторана и заплатить за еду - дорогая роскошь, которой Брюс избегал любой ценой. Но он знал, что у Шабиба и Маду будет еда немедленно, и он сможет быть сыт и лечь в постель через полчаса, а не через час, если начнет готовить сейчас. Он мог бы отказаться от еды и просто поспать, но тогда завтра у него будет меньше энергии, а это может оказаться катастрофой, если возникнет чрезвычайная ситуация.

Поэтому со стоном ученый поднялся с матраса, сунул ноги в ботинки и, пошатываясь, вышел за дверь. До места, куда он направлялся, было десять минут ходьбы через несколько темных и узких переулков, прежде чем его путь привел его к более открытым и приятным дорогам. Брюс обрадовался, когда увидел белую церковь в конце дороги, так как знал, что до места назначения всего пятьдесят метров. Он проскочил через низкий дверной проем и сел за свой обычный столик, пристроившись сзади, откуда было видно все помещение.

"Мы давно вас не видели, доктор", - вежливо сказала Маду, подходя к столику Брюса.

"У меня было много работы", - медленно произнес Брюс, пытаясь говорить правильно, несмотря на то, что его уставший мозг делал это гораздо труднее.

"Как дела у Адеша? Мы слышали, что ты ухаживал за ним", - продолжил Маду.

"Ему лучше, ему просто нужно много отдыхать, и он будет в порядке", - сообщил им Брюс.

"Хорошо, ему повезло, что вы рядом. Хотите, как обычно?"

"Пожалуйста", - улыбнулся Брюс, пока она шла на кухню, чтобы сделать заказ.

В мгновение ока перед ним появилось овощное бирьяни и стеклянная чашка травяного чая местного производства. За другими столиками сидели несколько местных мужчин, которые курили и пили различные напитки, и они с благодарностью оставили чужака за его трапезой. Брюс был благодарен здешней культуре за то, что его не часто загоняли в угол любопытные люди, требуя ответов на свои вопросы, как это часто случалось с подозрительными местными жителями в западных странах. Здесь они знали, что он помогает людям, и оставляли его в покое, если только им не требовались его услуги, и не задавали неудобных вопросов о его прошлом.

Несмотря на первоначальный голод, Брюс вскоре обнаружил, что накладывает рис в свою тарелку и зевает. Было почти одиннадцать часов вечера, а он обещал, что завтра в шесть утра проведает Адеша.

"Я упакую это, чтобы ты забрал домой".

Брюс был так глубоко погружен в свои мысли, что не заметил приближения мужчины. В глубине его мозга что-то зашевелилось, защищаясь. Брюс быстро загнал его обратно, затем поднял глаза и улыбнулся.

"Если вы не против, спасибо, Шабиб", - сказал Брюс мужчине.

Пара, управлявшая этим кафе, была одной из самых близких Брюсу, поскольку именно они порекомендовали ему дом, который он арендовал, и были его первыми пациентами. Однако они по-прежнему знали о нем очень мало, вероятно, столько же, сколько и все остальные жители района, и Брюс был намерен, чтобы так было и впредь. Он быстро оплатил счет и ушел, забрав с собой по крайней мере половину еды. Брюс слегка заподозрил, что в упаковку положили еще немного блюда, но он не собирался вступать с ними в конфронтацию, так как слишком устал, чтобы беспокоиться об этом. Он иногда получал скидки в киосках и магазинах от благодарных пациентов, поэтому Брюс не удивился бы, если бы его подозрения оказались верными.